

БОМОНД

Б а й к и   п о д   ф о н а р е м

Несыгранная роль Смоктуновского

Это было, когда после некоторого перерыва Смоктуновский снова стал играть Мышкина. По-прежнему спектакль пользовался огромным успехом. То была, на мой взгляд, его лучшая театральная роль, о которой сохранились не только легенды, но и множество великолепных статей. Их авторы почти документально зафиксировали все - от первого до последнего выхода, благодаря чему сегодня можно смело реконструировать эту работу. Но я хочу рассказать о другом.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «Идиота» окончилось. Представление после представления «Идиота» началось... Сперва на поклон вышли все, кто был занят в последнем акте. Затем, с каждым выходом, актеров становилось все меньше и меньше. Вот их осталось только двое - Смоктуновский и Лебедев. Но потому, как бесновалась публика, я понимал, что главное еще впереди. Наконец, не вышел и Лебедев...

Смоктуновский в одиночестве появился из правой кулисы, не спеша подошел к авансцене и стал принимать цветы. Но не с жадной небрежностью, а «с чувством, с толком, с расстановкой». Обязательно из рук в руки, любясь каждым цветком, будь то ромашка или роза. С неременной благодарностью, выраженной по-разному: легким поклоном головы, улыбкой, а то и рукопожатием. Смоктуновский общался с цветами, как с одушевленными существами. Длилось это бесконечно долго, но уйти я никак не мог, ибо сидел в первом ряду, у самой сцены, блокированный с двух сторон безумными поклонниками.

Когда цветочный поток иссяк, Смоктуновский, прижимая огромный букет к груди, стал медленно пятиться назад. Затем стремительно вернулся на авансцену и бережно-небрежно опустил цветы на пол. В этот же момент весь свет, кроме мощного «пистолета», направи-

вленного на живой цветочный холм, исчез во все, что еще более подчеркивало одиночество исполнителя и князя Мышкина. Это и была та высшая точка спектакля, после которой по всем правилам следует давать занавес. Публика неистовствовала. А сцена медленно, но верно погружалась во тьму. Когда же спустя какое-то время свет вернули в зал, на сцене не оказалось ни цветов, ни Смоктуновского...

Поднимаюсь в бельэтаж в кабинет к Г. А. Товстоногову. Пока мы обмениваемся впечатлениями, приоткрывается дверь, и на пороге появляется Смоктуновский.

- Мне как-то неловко, что я вклинился в вашу беседу...

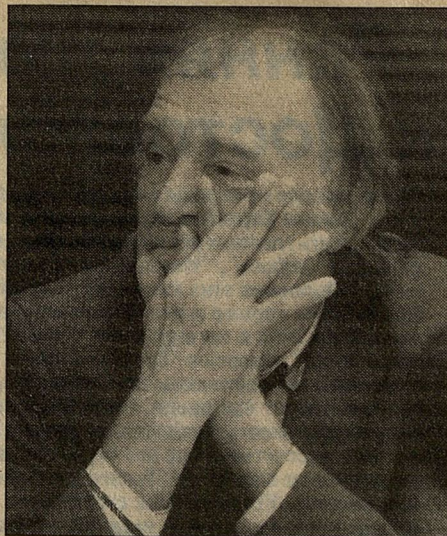
- Ничего страшного, здесь все свои. Так чем обязан?

- Можете меня поздравить. Сегодня, наконец-то, приняты фильм «Друзья и годы».

- Очень рад, поздравляю!

- Дело в том, что режиссер Соколов, который снял эту картину, сейчас какое-то время будет совершенно свободен. Мы тут наметили с ним распределение ролей для «Живого труп». По-моему, может получиться занятный спектакль.

Смущенно улыбаясь, Смоктуновский извлек из кармана сложенный вчетверо лист и протянул его Георгию Александровичу. Тот не пошевелил пальцем. Таким образом, протянутая рука Смоктуновского на какое-то время по-

висла в воздухе: Товстоногов выдерживал паузу. Он глубоко затянулся сигаретой. Веки сперва заметно сузились, затем невероятно расширились. Мне даже показалось, что глаза его готовы вот-вот вырваться наружу. Георгий Александрович снял очки, выпустил дым через ноздри и совершенно спокойно сказал:

- Вот сейчас, когда вы выйдете на Фонтанку, спуститесь всего один квартал до площади Ломоносова, а оттуда уже буквально два шага сделайте по улице Росси до служебного подъезда Александринки. Там спросите, как пройти к Леониду Сергеевичу Вивьену. Он всячески приветствует актерскую инициативу, и, я уверен, ваше предложение может его заинтересовать. Что же касается нашего театра, то здесь, извините, я решаю все сам, абсолютно единолично. И что ставить, и как. И кому играть. Так уж не взыщите...

Позже я узнал, что Смоктуновский переехал в Москву, перешел в труппу Малого театра...

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Смоктуновский Мимолетский

9.95.